

СИБИРСКАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕНТАЛИТЕТ

Михаил Николаевич Колоткин

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия., г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, доктор исторических наук, профессор кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)361-04-68, e-mail: m.n.kolotkin@ssga.ru

В статье рассматриваются некоторые теоретические проблемы концепта пространственной идентичности. Проблема раскрывается на примере сибирского макрорегиона, отличающегося особой ментальностью социума. Делаются попытки проанализировать категорию «сибиряк» в качестве модального типа, обладающего своеобразными ценностными ориентациями, связанными с природно-ландшафтными, историческими и культурными компонентами, а также конкретными поведенческими стратегиями и практиками сибиряков.

Ключевые слова: сибирское пространство, идентичность, сибиряк, менталитет, доминанта, модальность, макрорегион.

SIBERIAN SPATIAL IDENTITY AND MENTALITY

Mikhail N. Kolotkin

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, 630108, Russia, D. Sc., Professor, Department of Legal and Social Sciences, phone: (383)361-04-68, e-mail: m.n.kolotkin@ssga.ru

The article discusses some theoretical problems of the concept of spatial identity. The problem is revealed by the example of the Siberian macro-region, which is distinguished by a special mentality of society. Attempts are being made to analyze the category “Siberian” as a modal type that has peculiar value orientations associated with natural landscape, historical and cultural components, as well as specific behavioral strategies and practices of Siberians.

Key word: Siberian space, identity, Siberian, mentality, dominant, modality, macroregion.

В самом широком смысле под пространственной идентичностью, как нам представляется, понимаются отношения людей, ведущих образ жизни в определенном месте и в сложившихся в ходе совместной деятельности поведенческих стереотипов. Д.С. Мартьянов полагает, что пространственная идентичность – термин более широкий, чем территориальная идентичность, «в силу чего концептуализированный не столь четко и, как правило, выступающий скорее как обобщающее понятие. В то же время пространственность, в отличие от территории, не столь тесно связана с «физичностью» [1].

Сибирь исторически обречена быть не только самым крупным социокультурным пространством в России, но и весьма значимым в глобальном масштабе. В ходе освоения этого огромного пространства изменялись его границы – от исторического понимания всей территории от «Камня» (Урала) вплоть до Тихого океана и до современного дискурса, связанного с фрагментацией макрорегиона на федеральные округа. И в этом смысле Сибирь становится особым социо-

культурным феноменом, а люди, живущие здесь, объектом изучения, поскольку отражают многообразие пространственных, экономических и социальных факторов. Идентичность в данном случае выступает как способ классификации окружающего мира, в основе которого находятся представления индивидов о себе, формирующиеся посредством взаимодействия с окружающей средой.

Актуальность проблемы сибирской идентичности в настоящее время определяется прежде всего целым комплексом «вызовов» и «угроз», с которыми столкнулся макрорегион в экономической, демографической, экологической и других сферах.

Можно выделить два уровня предпосылок, которые способствовали формированию сибирской идентичности – макроуровень и микроуровень. К предпосылкам макроуровня, как правило, относится пространственное расположение, удаленность от центра, природные и климатические факторы, экономическое положение и развитие инфраструктуры. Новосибирский социолог А. А. Анисимова полагает, что «сибирская идентичность в территориально-пространственной проекции формируется, с одной стороны, как композиция красоты природы и особенного ощущения близости к ней, становление через преодоление сложных условий жизни, освобождающего ощущения больших просторов. С другой стороны, важным для формирования и актуализации сибирской идентичности является чувство и опыт отдаленности жизни в Сибири вследствие больших расстояний, а также ощущение существенного масштаба социально-экономического неравенства, как в сравнении с другими регионами России, так и при сопоставлении условий жизни в разных частях Сибири» [2]. Микроуровень идентичности включает этническую принадлежность, ценностные ориентации, статусные и мобильные характеристики личности.

Этот подход, как верно отметила в своей докторской диссертации Е. В. Головнева, позволяет «воспринимать регионы не столько как территории или административно-управленческие единицы, сколько как «живые», социально и интеллектуально конструируемые пространства. Их границы определяются не географическими маркерами и административными рубежами, а скорее общей идентичностью, чувством принадлежности к определенной территории, набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью к определенным действиям [3].

Для большего понимания и детализации нашего объекта исследования – сибирского пространства, сошлемся на материалы социологического исследования, проведенного методом экспертного опроса летом 2010 г. в Новосибирске, Барнауле и Горно-Алтайске. В качестве экспертов были привлечены 15 человек: профессиональные ученые – специалисты по истории Сибири, общественные деятели и местные политики. Для интервьюирования было сформулировано 4 тематических блока, каждый из них состоял из 3–4 обширных вопросов. Для выявления оценок и представлений о современной Сибири как особом макрорегионе на вопрос: «Что такое Сибирь?» эксперты высказали следующие мнения:

«Сибирь – этот крупнейший в мире историко-географический регион, который, безусловно, обладает своей спецификой и в истории, в формировании населения, менталитета. Это один из ключевых регионов России». (Гончаров Ю.М., доктор исторических наук, профессор);

«Сибирь – это, очевидно, сырьевой придаток России» (Яковлева Н.А., кандидат исторических наук);

«Сибирь – это 80 % территории нынешней нашей Российской Федерации, 20 % населения, это основные наши ресурсы природные» (Шиловский М.В., доктор исторических наук, профессор);

«В российском историческом процессе, в сибирском в особенности, образ Сибири, прежде всего, порождается природно-географическими особенностями. На образ Сибири влияют реки, леса, природные ископаемые, которые обуславливают во многом и специфику жизнедеятельности регионального сибирского сообщества» (Разгон В.Н., доктор исторических наук, профессор).

Сравнивая Сибирь с Европейской частью Российской Федерации, эксперты обратили внимание на то, что менталитет ее жителей более консервативен и ориентирован на традиции, которые здесь сохранились гораздо лучше, чем в Европейской части. «В культурологическом, в духовном плане существует огромная пропасть между Европейской Россией и Сибирью. Славянские традиции, тюркские традиции, монгольские традиции – частью этих традиций является государственность, – в Сибири они живы, а в Европейской России этих традиций практически не осталось» – так достаточно резко высказался предприниматель и общественный деятель А.К. Кине из Горно-Алтайска. Другой эксперт из этого города – политик, кандидат исторических наук М.И. Паклин высказался более толерантно: «Сибирь остается пока островком той исконно русской традиционности, исконно русского образа жизни».

Участники экспертного сообщества, рассуждая о коренных отличиях Сибири и Европейской России, практически пришли к общему мнению: «Существует некоторая антропологическая разряженность и она остается особым качеством Сибири и Дальнего Востока. Плотность населения качественно другая, вследствие этого у нас все требует огромных вложений – отсюда неустроенность» – мнение кандидата исторических наук В.М. Рынкова;

«Сибирь заселена хуже, освоена меньше, чем Европейская Россия» – мнение кандидата исторических наук А.К. Кириллова;

«Отличие Сибири и Европейской России, прежде всего, в огромных сибирских пространствах, малой обустроенности и редком населении» – мнение кандидата исторических наук Н.А. Яковлевой [4].

Основатель американской социологии, русский по происхождению, П.А. Сорокин справедливо утверждал, что «значимость территориальных связей между людьми порождает в них общность стремлений и интересов, что в свою очередь, является основой для рождения ярких региональных типов» [5]. Потребность индивида в идентичности как стремлении принадлежать к какой-либо конкретной социальной группе или общности, как известно, выступает в качестве одной из самых важных в шкале личностных качеств .

В этой связи проблема идентичности жителя Сибири и существования «сибиряка» как особого типа является важной. Понятие «сибиряк» вошло в оборот еще в XVIII веке, однако, по мнению ряда исследователей, использовалось не самими жителями региона, а в основном чиновниками и публицистами того времени. Сам термин является достаточно аморфным. В научном дискурсе и исследовательской практике историков, этнографов, социологов и др. сложились два подхода к пониманию термина «сибиряк». Часть исследователей понимают «сибиряка» как представителя русского народа, обладающего определенной ментальностью, связанной с жизнью в Сибири, другая часть относит к ним всех жителей макрорегиона вне зависимости от этнического фактора.

В силу своей многозначности были сделаны попытки систематизировать это понятие. В качестве объединяющего момента для этой общности отмечается географическая отдаленность и некоторая замкнутость макрорегиона, обширность пространства, определенная свобода в жизнедеятельности и относительно мирное сосуществование пришлого и аборигенного населения, обусловленные обилием земель и угодий, особые природно-климатические условия, межэтнические и межрелигиозные контакты.

Безусловно, нельзя рассматривать сибиряков в качестве определенных этнических типов, однако основания для выделения особенностей сибиряков в качестве социально-территориальной общности имеются. Специалисты в этой сфере постоянно наблюдают и фиксируют рост сибирской идентичности. Омский этнограф М.А. Жигунова, проведшая этносоциологическое исследование на рубеже XX-XXI веков, зафиксировала следующие результаты: «В 1986–1988 годах сибиряками называли себя 15 % респондентов, в 1994 году – 19%, в 2000 году – 75 % , в 2001 году – около 80 % опрошенных» [6]. Эта тенденция нашла свое отражение на практике в ходе Всероссийской переписи населения 2010 года. Глава Федеральной службы государственной статистики А. Суринов, подводя промежуточные итоги переписи, отметил, что переписчиками были выявлены несуществующие в официальном реестре национальности России. В качестве примера он назвал «сибиряков». Активность жителей региона в это время объяснялась тем, что в преддверии переписи населения прошла в социальных сетях кампания «Я – сибиряк» с призывом дать именно такой ответ на вопрос об этнической принадлежности [7].

На этой волне политической и общественной активности новосибирские социологи А.А. Анисимова и О.Г. Ечевская, на базе исследования городских жителей Новосибирска, Омска и Иркутска, пришли к выводу, что сибирская идентичность неоднородна, образно говоря, сибиряками не рождаются, ими становятся. Современная идентичность населения макрорегиона включают в себя четыре определяющих маркера: территориальный признак (место рождения или проживания), социокультурный фон (повседневная среда), биографический след (создание семьи и становление карьеры) и политический аспект (средство мобилизации активной части населения). В ходе обследования была зафиксирована тенденция замены национальной идентичности у представителей полиэтнических семей сибирской идентичностью. В качестве доминирую-

щего маркера сибирской идентичности респонденты назвали пространственное (у авторов – территориальное – М.К.) измерение [8].

Что касается русского населения – преобладающего этноса в Сибири, то оно оказалось в ситуации, когда вынуждено решать проблему своего соотношения одновременно с локальной (поселенческой, областной, окружной, краевой, республиканской), региональной (сибирской), этнической (собственно, русской), религиозной (христианской, православной), метаэтнической (славянской) и общегражданской (общероссийской) идентичностями на основе оценивания значимости для себя каждой из таковых и ранжирования их по степени приоритетности и доминантности. Новосибирский философ С.В. Путилов, исследуя эту проблему, определил, что в самосознании русских сибиряков идут колебания, прежде всего, между локальной (региональной), этнической (собственно русской) и общегражданской идентичностями. Причем, доминантным из них стал «дрейф», уход в сторону региональной идентичности. Для жителей Сибири она зачастую становится более значимой, чем этническая и общегражданская.

С.В. Путилов, на наш взгляд, верно отметил существующую тенденцию, когда у нескольких поколений русских национальное самосознание в большей мере чем у других этносов было «стерто» советским «наднациональным» строительством, которое продолжается и сегодня в виде строительства «наднационального» российского гражданского общества, большую часть которого составляют русские. В результате чего на фоне размывания, снижения значимости этнической идентичности, приближения ее к нулевому уровню идут процессы актуализации региональной идентичности русских жителей Сибири. Он совершенно справедливо подверг критике существующие в научном дискурсе подходы к формированию научной дефиниции «сибиряк» в силу, как уже указывалось, их аморфности. В результате этого «выстроились целые «леса» сугубо обыденных, отчетливо эмоциональных либо образно-художественных и публицистических «определений», в большинстве своем значимых либо весьма сомнительных с точки зрения научности и не богатых по своему содержательному и эвристическому потенциалу». В качестве основного маркера идентификации С.В. Путилов считал групповое самоназвание [9].

Опираясь на этот критерий, можно выделить уточненную классификацию этой дефиниции:

1. Топонимический: «Сибиряки – это все люди, живущие на территории Сибири» (без этнической окраски);

2. Историко-хронологический: «Сибиряки – это коренные, местные жители Сибири (аборигены), живущие здесь издавна», «Сибиряки – это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири, но не те, которых насильственно заставляли ехать в Сибирь»;

3. Психологический: «Сибиряки – это особый тип людей, обладающих сибирским характером: крепкие, сильные, здоровые, крупного телосложения, трудолюбивые, гостеприимные, демократичные, добрые, с хорошими адаптационными способностями и др.»;

4. Антропологический: «Сибирь – это «винегрет народов», особая смешанная общность, сложившаяся на основе русских, с вкраплениями казахских, татарских, украинских и многих других черт»;

5. Этнокультурный: «Сибиряки – это субэтническая группа русского народа».

Все это дает возможность в обобщенном виде сформулировать, что «сибиряки» – это представители особой территориально-географической общности людей, родившихся и/или живущих на территории Сибири, и вследствие этого характеризующихся ментальными, антропологическими, психологическими, социокультурными и диалектно-языковыми особенностями, дающими основания для выделения их в отдельную пространственную социальную группу, макрообщность.

Известный российский географ В.Л. Каганский полагал, что пространственная идентичность вряд ли существует в случайных фрагментах пространства: в ее реализации необходима ощущаемая специфика определенной территории и определенной группы. Идентичность в его понимании – это «ощущение, переживание или даже рефлексия (чаще нерациональная) специфики «своей» территории на уровне группового и личного сознания» [10]. Сравнение данных многих социологических опросов сибиряков, проживающих в разных административных частях макрорегиона позволяет обнаружить примечательную закономерность: помимо обыденной житейской – «Чем дальше от Москвы, тем люди лучше», зафиксировано, что количественно больше идентифицируют себя сибиряками в тех сибирских субъектах, которые дальше отстоят от европейской части страны и ее центра.

Как показывают исследования последних лет, «ренессанс», связанный с ростом сибирской идентичности все чаще рассматривается как форма политического заявления для привлечения внимания центральной власти к макрорегиону. Ее нельзя рассматривать в качестве регионального сепаратизма, серьезных оснований для этого нет. Скорее ее можно рассматривать как закономерную реакцию на демонстративно-пренебрежительное отношение центра, властной политической элиты к макрорегиону. Сибирь, по-прежнему, рассматривают как отсталую в социальном плане периферию, источник сырья и углеводородов и т.д., а жителей ее – второсортными, периферийными и ущербными. Олигархические корпорации, «зарабатывающие» миллиарды за счет сибирских природных ресурсов, экзистенциально чужды чаяниям и нуждам населения макрорегиона. В многочисленных стратегиях и долгосрочных проектах развития страны до сих пор отсутствует внятно сформулированная особая миссия этого уникального пространства, сопряженная с достойной жизнедеятельностью ее обитателей.

Сибирская идентичность неоднородна и многогранна, она затрагивает разные аспекты самосознания индивидов. Менталитет ее населения включает в себя целый комплекс мировоззренческих представлений и ценностных ориентаций, исторической памяти, жизненный стиль людей и его нравственно-психологические характеристики. Мы не беремся утверждать, что на террито-

рии этого уникального пространства существует единая ментальность. Однако с полным правом можно говорить о том, что основания для выделения особенностей сибирского населения и сегодня продолжают иметь место. Они прежде всего связаны с наличием здесь модальных типов (наиболее распространенный тип личности на определенной территории в конкретный промежуток времени – М.К.), связанных с общностью природно-климатических условий, ощущениями свободы, воли, выживания в экстремальных условиях, а главное, пространственно-временными рамками экзистенции. М. Хайдеггер в этой связи утверждал, что «событийность понимается как развитие пространства, бытие чувствует себя в пространстве и пространством» [11]. Таким образом, сибирская идентичность первоначально сложилась и до сих пор остается, пространственной доминантой, с вытекающими из нее более частными особенностями и признаками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мартьянов Д.С. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети Интернет: смена парадигмы // Вестник СПбГУ. – Сер.6. Вып.1 – 2015. – с. 47.
2. Анисимова А.А. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. – Новосибирск: НГУ. – 2012. – с. 28-29.
3. Головнева Е.В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона). – Дисс...д-р философ. наук.- Екатеринбург.- 2018. – с. 169-170.
4. Зайнутдинов А.Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX – XX веков к современному сибирству [Электронный ресурс]. – URL/ <http://ecsocman.hse.ru/text/s0413100> (дата обращения – 21.03.2020).
5. Сорокин П.А. Система социологии. Т.2.– М.: Институт социологии РАН, 1993. – с.210, 213.
6. Жигунова М. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина.- 2011.- №11.- с.12-13.
7. Васеха М. Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // Вестник российской нации.- 2014.- №6. –С.321-323.
8. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. – Новосибирск: НГУ. 2012. – с.15-25.
9. Путилов С.В. Региональный «дрейф» в самосознании и идентичности русских в Сибири // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XV Междунар. науч. конгр., 24-26 апреля 2019 г. Новосибирск [Текст]: сб. материалов в 9 т. Т.5: Междунар. науч. конф. «Геопропространственные аспекты исторических и социокультурных процессов». – Новосибирск: СГУГиТ, 2019. – С. 102–109.
10. Каганский В.Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестник Пермского научного центра. – 2014. – №5. – с. 11.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. –102 с.

© М. И. Колоткин, 2020